

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата философских наук Шпаковского Михаила Викторовича на
тему: «Религиозно-философское учение протопопа Аввакума: историко-
философское исследование»
по специальности 5.7.2 История философии

Кандидатская диссертация М.В. Шпаковского посвящена очень интересной, важной и актуальной теме: рассмотрению мысли одного из самых ярких деятелей и писателей позднего русского Средневековья, протопопа Аввакума Петрова. Как справедливо отмечает М.В. Шпаковский, Аввакуму посвящено большое количество исторических и филологических работ, однако очень мало исследований, в которых наследие Аввакума изучалось бы с точки зрения философского и богословского содержания его мысли. Отдельные работы, посвященные Аввакуму как мыслителю, были написаны либо с позиций официального православия, либо грешили незрелыми и поверхностными обобщениями. Поэтому выбор темы исследования представляется вполне оправданным и актуальным. Как справедливо подчеркивает сам Шпаковский, «без внятного историко-философского анализа взглядов Аввакума мы просто не сможем дать себе достоверного понимания того места, которое он занимал в эпоху культурного и религиозного слома в России второй половины XVII в., и его религиозно-философских представлений, которые имели столь большое значение в полемике с церковной реформой и другими старообрядческими учителями» (с. 9). Стоит подчеркнуть, что впервые в историко-философской литературе позднейшие философские и богословские взгляды Аввакума анализируются по главному и очень сложному памятнику русской мысли XVII, «Книге Обличений» Аввакума, которая до Шпаковского в таком объеме и масштабе не привлекалась для реконструкции взглядов раскольничьего протопопа.

Каким образом диссертант подошел к анализу этой темы? Стоит, прежде всего, отметить, что он подошел к нему во всеоружии методов историко-философского и историко-филологического исследования, профессиональных знаний в области отечественной медиевистики, замечательным знанием всей литературы по теме, превосходным владением церковно-славянским и древнерусским языками, замечательной «начиткой» в средневековой русской богословской и философской литературе, обращением во многих случаях к византийской мысли в первоисточниках.

Диссертация Шпаковского не ограничивается исследованиями текстов одного только Аввакума. Мысль мятежного протопопа изучается в широком

контексте всей литературы Раскола, привлекаются сочинения как «раскольников», так и представителей «справы». Тем самым идеи Аввакума могут быть исследованы и описаны с многих возможных сторон, во всем своем объеме, во всей своей не только денотативной, но и коннотативной полноте.

Но М.В. Шпаковский помещает Аввакума не только в контекст идейных, философских и богословских споров XVII века. Для стиля работы диссертанта характерно умение, — я бы сказал даже талант, — видеть проблемы и стратегии мысли Аввакума в более широком поле интеллектуальной культуры московского книжника зрелого Средневековья. Одной из сильнейших сторон данной диссертации является постоянно осуществляемое сравнение языка, философских и богословских ходов Аввакума со всей традицией русской и — даже шире — славянской рецепции греческого философского наследия.

Но при этом способность обозреть все проблемные поля своего исследования превосходно сочетается со скрупулезностью текстологической работы, взвешенным и основательным суждением, ясным и при этом богатым, избегающим упрощений и трюизмов языком описания. Как правило, большинство суждений и выводов работы опираются на прямые цитаты, которые приводятся исследователем, и затем обстоятельно анализируются. Это делает диссертацию прекрасным образцом «конкретного исследования», а не местом, где воспроизводятся шаблоны и штампы, что, к сожалению, очень часто имеет место в кандидатских диссертациях по истории философии и не только

Особо я бы выделил разделы диссертации, посвященные истории вопроса, затем раздел, связанный с тем, что диссертант называет «русским гилеморфизмом», а также заключительную большую главу, посвященную «изюминке» диссертационного исследования — анализу богословия протопопа Аввакума в контексте «пустозерской свары». В этой последней главе М.В. Шпаковский, опираясь как на «Книгу Обличений» самого Аввакума, так и на работы его оппонента дьякона Феодора, подробно и обстоятельно рассматривает особые учения Аввакума, вокруг которых быстро возникла оживленная полемика среди деятелей Раскола, а затем и в «никонианских» опровержениях Раскола.

Одним словом, диссертационное исследование М.В. Шпаковского представляет собой зрелую, творческую, весьма компетентную научную работу, которая без всякого сомнения вносит значительную лепту в исследования русской средневековой мысли и может во многом служить своего рода образцом для диссертации по этому кругу вопросов.

Именно поэтому, будучи зрелым, состоявшимся и скрупулезно выполненным исследованием диссертация М.В. Шпаковского предполагает и

серьезное к ней отношение, предполагает критический взгляд на некоторые важные проблемы, упущения, неверные суждения и выводы, которые, с моей точки зрения, присутствуют в данной работе. В значительной степени эти недостатки — не вина автора работы, а следствие очень сложной специфики того, что можно описать как «русскую средневековую мысль» или «философию».

1. Как справедливо пишет сам диссертант, обсуждая проблему специфики русской философии в Средние века, что она есть ««росток» от древа византийской философии» (с. 29). Тем самым, историк русской мысли этого периода должен обладать своего рода «двойным зрением», постоянно рассматривая тексты, понятия, термины русских книжников через призму греческих византийских текстов, их концептов, логических ходов и терминологии. Причем византийские философские и богословские тексты играют здесь роль «первообразов», «парадигм», тогда как русские тексты неизбежно становятся своего рода «иконой» этого первообраза, «иконой», с одной стороны, воспроизводящей, а с другой — причудливо и своеобразно меняющего свойства своего образца. Поэтому мне кажется, что серьезные исследования русской философии до XVIII века должны выработать некий специфический язык и метод описания этой особой ситуации, а не следовать обычным алгоритмам историко-философского языка, разработанным для других проблем и в рамках другой традиции. Уже сам византийский прообраз имеет зачастую характер своеобразно искаженной церковными воззрениями «иконы» поздней греческой философии, что в случае с русской средневековой мыслью превращается в своеобразное «отражение отражения». Этот специфический характер неизбежно влияет на возможность «оригинальности» того или иного высказывания, взгляда, системы воззрений. Например, диссертант пишет, что «Дамаскин относит богословие к теоретической философии» (сс. 29-30, сноска 70). Но Дамаскин в данном месте своей «Диалектики» просто воспроизводит стандартное аристотелевское деление философии, где богословие («теология») наряду с физикой и математикой образуют теоретическое знание. Это не производство нового особого деления, а воспроизводство деления из стандартных александрийских неоплатонических учебников.

2. Диссертант прекрасно понимает эту специфику русской мысли того времени, но в своей реальной исследовательской работе все равно поддается влиянию обычного историко-философского языка описания. Так, например, после анализа влияния на Аввакума «О Божественных именах» Псевдо-Дионисия он пишет: «представления Аввакума об Истине и его ономотология оставляют больше вопросов, чем ответов. Мы вправе уверенно говорить лишь

о том, что в своем учении об Истине Аввакум прошел путь от эпистемологической концепции «истинного знания/познания» к оригинальной концепции Истины как особого божьего имени» (с. 100). Аввакум здесь изображен Шпаковским как гносеолог-теоретик, переходящий от одной эпистемологической концепции к другой. Но стоит ли в этом свете видеть то, что реально произошло: отставив слово «истинный» в старом СВ, Аввакум находит случайное место из DN, где «Истина» фигурирует как одно из откровенных имен Бога (в этом месте Псевдо-Дионисий сопоставляет именам Бога, которые открыло само Божество («богоначалие-теархия»), имена «виновные», которые воспеваются «теософами»). Пользуясь этим местом, Аввакум защищает старый СВ. Но стоит ли ставить его в один ряд с разработанными в огромных сочинениях ономотологиями Прокла (Комментарий к «Кратилу») и Псевдо-Дионисию? Мне кажется, нет. Два высказывания по религиозно-политическому вопросу не могут служить основанием рассуждения об изменениях в «эпистемологической концепции». Здесь нужен какой-то иной язык. Возможно, лучше было бы описать эту ситуацию как вызванные кризисом Раскола попытки ответить на вопрос об «истине», первые неуверенные шаги русской мысли на пути осознания того, что раньше существовало в бессознательном семиотическом поле русского книжничества.

3. Есть в диссертации и просто ошибочные утверждения. Так, на странице 120 диссертант пишет: «Учение о вечном движении Бога, напротив, следует рассматривать как опциональное в силу наличия альтернативных способов дескрипции: в патристической философии также встречаются описания Бога и как самодвижной, и как неподвижной самости». В сноске 329 М.В. Шпаковский указывает место из «Точного изложения православной веры» (4, 14-17), где однако речь идет о том, что Бог есть «неподвижное первое движущее». О самодвижности здесь речи нет, Дамаскин просто воспроизводит, критикуя тех, кто считает Бога «пятой сущностью» и телом, обычное аристотелевское учение. Да и в случае упомянутого в этой же сноске места из Пс.-Дионисия Бог в духе неоплатонической экзегезы первой гипотезы Парменида называется называется не покоем и движением, как пишет диссертант, а «исходящим во все и покоящимся в себе, стоящим и движущимся, не стоящим и не движущимся». Здесь нет учения о покое и движении божества, а имеется демонстрация того, что Божество трансцендирует любые попытки его описания рациональным языком.

4. Также мне кажется «переинтерпретацией» суждение автора о важном месте из Дамаскина (Expositio fidei 8 252), что «у Дамаскина «тропос тес хюпарксеос» есть реализация ипостасных идиом — совершению и ипостаси».

В данном месте Дамаскин пишет о том, что «Мы знаем единого Бога, и лишь в частных [свойствах] отцовства, сыновства и исхождения в соответствии с [характеристиками, понятиями] причины и причиненного, а также в соответствии с совершенством ипостаси (т.е. с законченным, завершенным, самостоятельным характером каждого Лица — Д.Б.) или способом бытия мыслим различие». Усложнять и без того сложный ход мысли разговором об «осуществлении ипостасных идиом» (тем паче, что по-гречески нет «идиом», там стоит «идиотетай»), по-моему, не стоило.

5. В очень интересной главе о «русском гилеморфизме» М.В. Шпаковский рассуждает (сс. 138–139) *inter alia* о месте из «Точного изложения» Дамаскина (*Expositio fidei* 26, 44), где в греческом тексте вовсе не упоминается аристотелевская «морфе», а речь идет о знаменитой характеристике умопостигаемого из «Федра» Платона — «асхематистос». Именно его славянский переводчик передал здесь как «без образа». В терминологическом исследовании такие вещи нужно тщательно проверять. Тем более это ведет к содержательной ошибке, поскольку, согласно М.В. Шпаковскому, «поскольку душа бестелесна, она не имеет формы», но «схема» — не форма, а зрительный образ, фигура, очерк. Душа имеет «морфе», но не имеет «схемы».

6. Почему-то у диссертанта вызвало недоумение довольно простое рассуждение Григория Богослова о первичности умопостигаемого света (сс. 140-141), в котором речь идет о том, что создание такого света предшествует творению неоформленной материи. Точно так же рассуждает и блаженный Августин в 12-13 книгах «Исповеди».

Одним словом перед нами диссертация очень высокого уровня, посвященная очень сложной теме, вернее комплексу тем, методы исследования которых еще предстоит выработать. Я бы подчеркнул, что для успешного исследования этих тем необходимо не только свободное ориентирование во всем поле мысли русской средневековой книжной культуры, не только знание византийских греческих текстов, но и очень плотное знание неоплатонической традиции комментирования Аристотеля и Платона.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация Шпаковского Михаила Викторовича на тему: «Религиозно-философское учение протопопа Аввакума: историко-философское исследование» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.7.2. История философии (по философским наукам), а также

критериям, определенным пп. 2.1-2.5, 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 8, 9 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. Таким образом, соискатель Шпаковский Михаил Викторович заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент:

доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Бугай Дмитрий Владимирович

Контактные данные:

тел.: 8 (495) 939-23-15, e-mail: izf@philos.msu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

09.00.03 — История философии

Адрес места работы:

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», философский факультет

Тел.: 8 (495) 939-19-25; e-mail: info@philos.msu.ru

Подпись профессора Д. В. Бугая заверяю:

Ученый секретарь
философского факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
кандидат философских наук
Н. Ю. Клюева